

УДК 740

М.Ю. Кречетова**ОТКРЫТИЕ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА: В. ФОН ГУМБОЛЬДТ**

Статья посвящена экспликации публичного пространства в работах В. фон Гумбольдта «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине» (1809 г.) и «О пределах государственной деятельности» (1792 г.). Предмет рассмотрения – отношения университета и государства, а также ошибки и вредные последствия государственной деятельности. В конце статьи приведено предварительное сравнение взглядов И. Канта и В. фон Гумбольдта по указанным вопросам.

Ключевые слова: свобода, публичное пространство, университет, общество, государство.

Данная статья продолжает тему формирования публичного пространства в Европе XVIII в. и его осмысления в германской интеллектуальной традиции. Начало этого исследования – в моей предыдущей статье «К различию частного и публичного применения разума у И. Канта»¹.

В. фон Гумбольдт – второй после И. Канта немецкий мыслитель, открывший тему автономии общества от государства, тему публичного пространства как пространства, независимого от власти. Частично В. фон Гумбольдт развивает и трансформирует кантовские темы. В частности, идея кантовской работы «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?» (1784 г.) о публичном пространстве как пространстве исключительно «интеллектуальном» находит развитие и переосмысление в знаменитом манифесте Гумбольдта «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине» (1809 г.). Частично В. фон Гумбольдт параллельно и независимо от И. Канта развивает тему публичного пространства как «социального». Речь идет о кантовской работе «К вечному миру» (1795 г.) и гумбольдтовской работе «О пределах государственной деятельности» (1792 г.).

Начнем анализ с работы В. фон Гумбольдта «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине». В. фон Гумбольдт пишет в своем манифесте об университете и, частично, об академии как тех «институтах», в которых сосредоточена свободная мысль, или, если говорить о слое людей, являющихся носителями «свободной мысли», сосредоточены «кантовские» ученые, вступающие в коммуникацию друг с другом. Посмотрим для начала, имеет ли силу для В. фон Гумбольдта кантовское различие *частного* и *публичного* применения разума. Итак, по Канту, публичным применением разума называется «...такое, которое осуществляется кем-то как ученым перед всей читающей публикой» – в противоположность частному применению – т.е. такому, «которое осуществляется человеком на доверенном ему гражданском посту или службе» [1. Т. 8. С. 31]. Если взять последнюю формулировку, то она предполагает ответственное, но пассивное

¹ См.: Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. №4(12).

поведение человека. А именно, он ответствен за выполнение долга, к «формулировке» или «выработке» которого, однако, не имеет никакого отношения. Более того, И. Кант прямо пишет, что «правительство... в состоянии посредством искусственного единодушия направлять их [людей] на осуществление общественных целей» [1. Т. 8. С. 31]. Очевидно, что рассуждения В. фон Гумбольдта не укладываются в эту схему. Во-первых, абсолютно полноценная коммуникация ученых, по Гумбольдту, возможна непосредственно на занимаемом посту – преподавателя или члена академии. Для этого нет необходимости обращаться к некоему вольному модусу свободного писателя или свободного читателя. Во-вторых, профессор университета, по Гумбольдту, – назначенный государством чиновник. Но на этом пункте сходство с кантовской позицией заканчивается, поскольку «доверенный ему пост» вовсе не предполагает некоего «задания» со стороны государства. Напротив, бытие ученого в качестве профессора университета предполагает свободное исследование, абсолютно независимое от всякого *административного контроля* или *административной опеки*. Любая односторонность, любое единодушие, будь оно естественного или искусственного происхождения, худшее, что может произойти с университетской жизнью. Лишь школьный учитель может, собственно, действовать в рамках некоего «единообразия», а именно транслировать некий устоявшийся корпус знаний. Университетский преподаватель не только в своем исследовании, но и в процессе обучения имеет дело со знанием, еще не обретшем своей окончательной формы, ставит проблемы, еще не имеющие окончательного и однозначного решения.

Попробуем теперь, ради более полной фиксации сдвига понимания по отношению к И. Канту, воспроизвести общую картину интеллектуальной жизни по В. фон Гумбольдту. Оставляя за скобками школу как предварительную подготовительную ступень, можно говорить об университетах и академиях наук и искусств как двух базовых формах научной жизни. Между ними существуют важные различия:

1) Университет предполагает «одиночество» исследователя; момент коммуникации сосредоточен лишь в отношениях со студентами; собственно же научное продвижение не предполагает коллективных усилий.

2) Академия предполагает «сообщество» исследователей; момент коммуникации сосредоточен в отношениях с коллегами; «работа каждого подвергается всеобщей оценке» [2. С. 9].

Таким образом, то, что И. Кант называет «обращение к читающей публике», т.е. публичная деятельность, присутствует в обеих формах научной жизни.

Далее. Сфера вмешательства государства в случае университета и академии – также различная:

1) Преподавателей университета назначает государство, но не с целью трансляции общего корпуса знаний, не с целью создания «единого образовательного пространства», не с целью идеологического или бюрократического контроля, а с целью поддержания «оживленного состояния» университетской жизни, т.е. разнообразия научных исследований, научных теорий, научных школ etc. Таким образом, государство страхует университет от университетской же бюрократии, от всякого рода корпоративных тенденций, возоблада-

ния единомыслия и прочих побочных эффектов закрытых самовоспроизводящихся систем.

2) Академии сами, автономно и независимо от государства, выбирают своих членов. Интересно, что в случае академий В. фон Гумбольдт считает вышеупомянутый страховочный механизм излишним.

Исключительно важно, что В. фон Гумбольдт прописывает сложные страховочные механизмы от «ошибок» именно в этой сфере – сфере научной жизни. Эти страховочные механизмы связаны, прежде всего, с созданием конкурентной среды. Можно выделить три компонента этой среды:

- 1) университетские профессора, которых назначает государство;
- 2) ученые, которые избираются академиями;
- 3) приват-доценты, чье признание или отсутствие такового связано с успехом у публики, прежде всего у студенческой аудитории.

Разберемся сначала с первыми двумя пунктами. По В. фон Гумбольдту, университет и академия находятся в отношениях антагонизма и состязания. Соответственно в случае бюрократизации или возобладания корпоративного духа в той или иной институции научные исследования будут архаизироваться, или замедляться, или вырождаться в догматическую поддержку той или иной школы, или претерпевать иные негативные изменения и, соответственно, данная институция будет проигрывать в научном плане. Помимо этого, сам дух этих заведений не останется в тайне от общественности. Процитируем В. фон Гумбольдта: «...дух, которым каждый из них [академия и университет] руководствуется, станет известен, и общественное мнение само беспристрастно рассудит их там, где они ошибаются. Но поскольку оба не могут ошибаться одновременно, или же хотя бы ошибаются по-разному, то не всем выборам угрожает такая опасность, и институт в целом будет защищен от односторонности» [2. С. 10]. В этой цитате и сопутствующих ей фрагментах текста содержатся несколько важных моментов:

– возможность *ошибки* со стороны любого института, в том числе и государства;

– наличие *разных* механизмов позитивной селекции ученых;

– взаимная *коррекция* и страховка в силу сложной организации интеллектуального поля.

Таким образом, в случае академии и университета страховка от деградации института, как минимум, двойная:

- 1) на уровне конкуренции научных идей;
- 2) на уровне социальных отношений.

Эта страховка подкрепляется еще и третьим элементом – приват-доцентами, которые объявляют курсы для студентов. Поскольку же университетское преподавание, по В. фон Гумбольдту, включает в себя исследование, этот третий элемент интеллектуального поля создает весомую конкуренцию и на уровне идей, и на уровне социальных отношений (научный авторитет, интеллектуальное влияние, научная репутация и проч.).

Далее. В данной цитате у Гумбольдта отчетливо выделяется такая инстанция, как «общественное мнение». Ряд исследователей толкуют это «общественное мнение» как мнение исключительно чиновничьего класса или даже как официальную, транслируемую чиновниками позицию государства

по какому-либо вопросу. С этой интерпретацией вряд ли можно согласиться¹. По крайней мере, по двум причинам. Первая – это наличие и помимо чиновников класса образованных людей. Это и ученые, и поэты, и писатели, и те же студенты, и вольные интеллектуалы, не состоящие на службе в той или иной институции. Безусловно, что речь не идет об «общественном мнении» в позднейшем смысле этого слова. Для выражения мнения в гумбольдтовском смысле требуются развитый разум и развитая способность суждения. Можно даже сказать, что наличие этих способностей является неким селективным моментом для входа в описываемое пространство. Однако, очевидно, что в цитате имеется в виду не только чиновничество. Вторая причина указывает, что и не столько. В другой своей работе «О пределах государственной деятельности» [4]², которую мы будем анализировать позже, В. фон Гумбольдт дает весьма нелестную оценку чиновничеству как классу: «Здесь в особенности не следует упускать из виду одно вредное явление, близко касающееся человека и его развития: что самое ведение государственных дел усложняется и что для избегания путаницы необходимо большее число частных учреждений и множество лиц, посвященных этого рода деятельности. Но большинству этих последних приходится иметь дело только со знаками и формулами. Вследствие этого не только много умных людей лишаются возможности мыслить... но даже самые умственные силы людей страдают от этих частью пустых, частью односторонних занятий» (С. 42). Аргументы, приведенные в данной цитате, весьма интересны. Попробуем их каталогизировать:

- 1) работа чиновника – скучная и пустая;
- 2) деятельность чиновника – однообразная;
- 3) никакого существенного предмета, точки приложения интеллектуальных усилий, для чиновника не просматривается;
- 4) сами мыслительные способности чиновников деградируют, или, говоря простым языком, люди, приходящие на чиновничью службу, нередко *глупеют*.

После таких формулировок трудно заподозрить в В. фон Гумбольдте ценителя преимуществ чиновничьего сословия. Говоря современным языком, вряд ли бы Гумбольдт признал за чиновничеством наиболее образованную, умную и «склонную к модернизации» часть общества. В дальнейших рассуждениях Гумбольдт говорит и об иных «дефектах» чиновничьего бытия. В частности, о том, что с разрастанием государственного аппарата деятельность чиновника приобретает механический характер и «люди превращаются в машины» (С. 44). К этому пункту мы вернемся чуть позже.

¹ В немецком тексте стоит слово «*o*ffentlich», которое переводится здесь как «общественный». Этот перевод не является само собой разумеющимся. В частности, знаменитый словарь Р. Козеллека сообщает нам: «...im Laufe des 17. Jahrhunderts nahm «*o*ffentlich» infolge der Ausbildung des modernen Staatsrechts die Bedeutung «staatlich» an» [3. S. 413] («...на протяжении 17 века слово «общественный» вследствие формирования современного государственного права приобретает значение «государственный» (пер. автора). Мы придерживаемся здесь однако значения «общественный», поскольку ни контекст данной работы, ни контекст работы «О пределах государственной деятельности» не позволяют предполагать уместность некоторого «государственного мнения» как арбитра в сфере конкуренции научных институтов.

² Далее в скобках указаны страницы из этой работы.

Обратимся теперь к тексту В. фон Гумбольдта, непосредственно посвященному теме соотношения государства и человека, государства и общества. Речь идет об уже упомянутом сочинении 1792 г. «Мысли о попытке определить границы действий государства». Необходимо сделать две оговорки, прежде чем приступить к его анализу. Первая – сочинение было запрещено цензурой и было опубликовано лишь спустя 59 лет после написания. Вторая – В. фон Гумбольдт здесь рассуждает не просто как отвлеченный мыслитель, но и как человек, имевший опыт государственной службы. До написания работы В. фон Гумбольдт практически год работал ассессором в Королевском верховном суде. Его чиновничья карьера после написания работы весьма многообразна и вольна, в том смысле, что В. фон Гумбольдт и в качестве чиновника отличался свободомыслием и даже в 1819 г. впал в немилость короля и вышел в отставку.

Обратимся теперь к самой работе. Прежде всего, в эпоху расцвета и необыкновенной силы государства, поражает выбор мыслителем формулировок: *границы* государственной деятельности, *вред* от государственной деятельности, *ошибки* государственного вмешательства и т.д. Такой же «революционной» является и постановка основного вопроса в книге. Гумбольдт акцентирует внимание на том, что до сих пор все внимание мыслителей, пишущих об этом предмете, было сосредоточено на том, что человек может сделать для государства. Прочитируем: «До этого... занимались исключительно определением того участия, которое вся нация или отдельные части населения должны принимать в государственном управлении» (С. 1). Гумбольдт считает, что постановка вопроса должна быть существенно модифицирована. Приоритетом является *частная* жизнь отдельных граждан и мера их *свободной*, не стесненной деятельности. Говоря философским языком, общее не обладает, по Гумбольдту, неким онтологическим или этическим приоритетом по отношению к частному и единичному. Государство само по себе не является целью или смыслом некой индивидуальной или коллективной деятельности. Если выстроить цепочку приоритетов, то она будет выглядеть приблизительно следующим образом:

- 1) частная жизнь отдельного гражданина;
- 2) брак;
- 3) общественные союзы людей;
- 4) государство.

При этом единственная «корректная» функция государства, по В. фон Гумбольдту, – это обеспечение безопасности граждан. В авторской формулировке – «забота государства об отрицательном благе граждан». Все иные функции, объединяемые мыслителем под общим названием «забота государства о положительном благе граждан», имеют несомненные вредные последствия и должны быть вынесены за пределы государственной деятельности.

Рассмотрим подробнее эту иерархию приоритетов. На первом месте здесь стоит частная жизнь отдельного гражданина. Основной целью этой жизни является «соразмерное развитие его [человека] сил в одно целое» (С. 12). Гумбольдт выделяет два необходимых условия для этого:

- 1) свобода;
- 2) разнообразие положений.

Эти два условия, с одной стороны, В. фон Гумбольдт отличает друг от друга, с другой – пишет об их зависимости друг от друга и даже тождественности. Это важно и отличает его позицию от кантовской. Если, по И. Канту, свобода – это сфера имманентности человека самому себе, сфера автономии, находящаяся по ту сторону разных положений, ситуаций, обстоятельств, контекста, среды, в которой находится человек, то, по В. фон Гумбольдту, положение и среда могут существенно ограничивать свободу человека. Во второй главе анализируемого сочинения Гумбольдт пишет: «Даже самые свободные и независимые люди, поставленные в однообразные положения, не вполне развиваются» (Там же). Этот баланс между внутренним и внешним является достаточно сложным и хрупким. Любое государственное вмешательство в данном случае является исключительно пагубным. Возьмем в качестве примера развитие такой способности, как разум. Это не случайный пример, ведь именно способность опираться «только и исключительно на собственный разум» выступает у И. Канта основным признаком просвещенного человека и основой публичного пространства. Итак, казалось бы, обучение является здесь правильным и верным способом развития разума. Но обучение содержит в себе элемент принуждения, который для подлинного развития интеллектуальных способностей является вредным. Исключения составляют лишь дети, обучение которых в школе сопряжено с неким принуждением. В случае взрослых людей ситуация иная: «Разум человека, как каждая другая из его сил, развивается только благодаря *собственной* деятельности, *собственной* изобретательности или *собственному* пользованию чужими изобретениями... Государственные мероприятия всегда более или менее сопряжены с принуждением, но и в том случае даже, когда его нет, они слишком приучают человека более ожидать *чужого* научения, *чужого* руководства, *чужой* помощи, нежели самому искать для себя исхода» (С. 25). Кантовский мотив «думать самому» очевидным образом присутствует в этом противопоставлении собственного и чужого. Также очевиден и акцент на внутреннюю жизнь. Соответственно, единственное адекватное действие государства в данном случае – это предоставление свободы человеку.

Еще более, нежели в отношении к разуму, это имеет место в отношении иных способностей человека. Речь идет, прежде всего, о нравственности и «энергии действия». Здесь ключевой проблемой является привнесение государством однообразия в те контексты, которые должны целиком оставаться вне сферы его компетенции. И если государство еще может регламентировать сферу общественного образования (однако только на уровне школы), то общественное воспитание является однозначно неприемлемым.

Перейдем ко второму пункту иерархии – это брак или семья. Этот союз всегда связан с личным чувством и с личной привязанностью. Для него характерна тонкая грань между сохранением самобытности и искренним сближением, попыткой понять другого, восхищением другим. Государство не может регламентировать подобного рода отношения, поскольку любое принуждение губительно для тонкой внутренней жизни. Государство, конечно, интересуют прежде всего последствия брака, а не тонкости чувства. А именно, вопросы имущества и собственности, воспитание детей, прирост населения и проч. В. фон Гумбольдт, однако, указывает, что все эти цели гораздо

лучше достигаются в случае естественной любви и продолжительного союза мужчины и женщины, которые никак не регламентируются государством. Брак позволяет при сохранении самобытности и своеобразия мужчины и женщины достичь невиданного разнообразия и взаимного внутреннего обогащения. В. фон Гумбольдт заканчивает свои рассуждения вполне однозначным выводом: «Я думаю, что государство должно не только сделать брачные узы свободнее и шире, но что деятельность его должна быть совершенно отстранена от брака» (С. 37). И еще одно. Интересно, что В. фон Гумбольдт не проводит существенного различия между браком и общественными союзами, между семьей и гражданским обществом. Для него и в первом, и во втором случае действуют сходные тенденции и механизмы. Например, степень разъединенности общества в целом будет проявляться на всех ступенях: и в равнодушии граждан друг к другу, и в холодности супругов, и в отсутствии участия отца в судьбе детей. Это гумбольдтовское положение в полной мере парадоксально. Особенно его парадоксальность высвечивается при попытке аппликации на современную российскую социальную жизнь. Принято считать, что современные россияне открыли для себя после периода великих потрясений XX в. (прежде всего эпохи тоталитаризма) все прелести частной жизни. Из этого делается следующий вывод: пока познание и наслаждение этой жизнью не будет для них полностью исчерпано, у них не возникнет решительно никакого интереса к общественной жизни, в частности, к защите общественных интересов. По В. фон Гумбольдту, это полностью непредставимая и немыслимая ситуация. никоим образом не настаивая на правоте мыслителя, зафиксируем лишь спорность и неоднозначность описанного мнения.

Теперь перейдем, собственно, к общественным союзам. Не основным, но важным моментом здесь является их численность. Это гумбольдтовское наблюдение про численность является особенно важным в горизонте последующего развития западной цивилизации, а именно процессов массовизации XIX–XX вв. В. фон Гумбольдт настаивает, что малочисленные союзы (быть может, иногда даже тяготеющие к дружбе) в любом случае предпочтительнее союзов больших. Он приводит целый ряд аргументов. Сильнейший, на мой взгляд, аргумент состоит в том, что в обширных союзах человек легко становится *орудием*. В качестве примера Гумбольдт приводит феномен благотворительности, а именно учреждения для бедных. В этих учреждениях сострадание и милосердие являются зачастую формальными. В. фон Гумбольдт использует здесь метафору «небрежно бросающей милостыню руки». И чем грандиознее и крупнее подобного рода учреждения, тем более формальной и инструментальной становится их деятельность. Небезынтересно, что аналогия между человеком и орудием, человеком и машиной возникает у Гумбольдта всякий раз, когда речь идет о больших группах людей: и в случае разрастания чиновничьего аппарата, и в случае обширного общественного союза. Это замечание Гумбольдта полезно было бы применить к современным глобальным некоммерческим и негосударственным организациям. Еще один общий момент есть между государством и большим негосударственным союзом: и там, и там постепенно суть дела отходит на второй план и остается лишь форма. Деятельность обретает механический характер. Эта метафора

машины, механизма как чего-то нечеловеческого является общей для Канта и Гумбольдта. Позднее, в эпоху массовизации, у многих мыслителей эта метафора перерастает в метафору человека-фабрики, человека-завода.

Помимо указанных аргументов, у В. фон Гумбольдта есть еще одно важное соображение насчет численности союзов. Большие союзы приносят меньше пользы. Когда люди объединяются ради частного случая, ради частной определенной цели, это всегда весомее и полезнее, нежели объединение ради более общих случаев и целей. К примеру, борьба с бедностью вообще или за справедливость вообще вряд ли достигнет поставленной цели.

Теперь от численности союзов перейдем к их непосредственным характеристикам. Обратимся к авторской формулировке: «Поэтому люди должны вступать в союзы друг с другом не для того, чтобы терять своеобразие, но чтобы избегать обособленности и исключительности» (С. 39). И второй мотив: «Разнообразие, происходящее от союза многих, есть величайшее благо, даваемое обществом» (С. 23). Таким образом, именно *союзы людей друг с другом* и обеспечивают второе необходимое условие для достижения высших целей человеческого существования. Речь идет о разнообразии положений. Эти союзы благотворны также тем, что не обладают прямой властью, а следовательно, не могут препятствовать свободе человека. Человек волен заключать, расторгать, видоизменять такие союзы в отличие от ситуации с государственным союзом. Выход из последнего, по словам Гумбольдта, «затруднен до невозможности».

Обратимся напоследок к самому государству и границам его деятельности. Для начала следует упомянуть необычную гипотезу В. фон Гумбольдта о происхождении государства. Он предполагает, что государственный союз (или государство) изначально был общественным союзом, но по мере деградации (Гумбольдт, впрочем, этот термин не использует, но его рассуждения вполне допускают такое словоупотребление) последнего, а именно распространения власти за пределы необходимого и забвения изначальной сути союза, становится государством.

Теперь – об отношении государства и общества. Здесь Гумбольдт категоричен. Государство наносит вред обществу во всех случаях, кроме заботы о безопасности граждан. Попробуем каталогизировать эти вредные влияния:

1) *Дух однообразия*. Цитата: «Дух правительства всегда господствует в каждом из подобных учреждений; но как бы ни был *мудр* и *благотворен* этот дух, он тем не менее приводит к *однообразию*» (Там же). В этой мысли исключительно важным является то обстоятельство, что даже мудрость и разумность государственных отпавлений не делают их желательными или хотя бы терпимыми. Эта мысль является, пожалуй, прецедентом в новоевропейской интеллектуальной истории, когда ценность *индивидуального разнообразия* ставится не ниже ценности *разума*.

2) *Ослабление сил нации*. По этому пункту было уже достаточно сказано во фрагменте, описывающем вредное влияние государства на частную жизнь граждан. Однако Гумбольдт возвращается к этому сюжету снова и снова. Он прибегает к интересной аналогии между государством и врачом в духе поговорки: «Что нас не убивает, делает нас сильнее». Сила (сила нации, сила человека) нуждается в препятствиях и в самостоятельном преодолении этих

препятствий. Государство же делает «медвежью услугу» человеку и нации, помогая их преодолевать и тем самым ослабляя обоих. Обратимся к блестящей авторской аналогии: «Даже в самом счастливом случае государства, о которых я здесь говорю, слишком часто похожи на врачей, поддерживающих болезненное состояние и отдаляющих смерть. До того времени, пока появились врачи, люди знали только здоровье или смерть» (С. 36).

3) *Ослабление социальных связей.* Государство оказывает также негативное влияние на отношения граждан друг с другом. Механизм этого следующий: человек занимает патерналистскую установку, надеясь на помощь, заботу и попечение государства о нем. Симметричного же отношения со стороны государства он ожидает и в отношении своих сограждан. То есть государство должно позаботиться и о них тоже. Это создает, во-первых, искаженный тип отношений – отношения между благодетелем и благодетельствованным. И, во-вторых, ослабляет нормальные горизонтальные отношения: помощь, участие, содействие. Зачем помогать другому, если это сфера компетенции государства?

4) *Игнорирование меньшинства и отдельного человека.* Когда государство заботится о благе, оно исходит из обобщенного представления о последнем – нечто хорошо, значит оно хорошо для всех. Гумбольдт возражает, что, может, и хорошо, но точно не для всех, а для некоторых и вовсе не хорошо. Понятие «общего блага» не несет у Гумбольдта хоть сколько-нибудь позитивного смысла. Он достаточно резко пишет: «...существует множество различных средств для ограничения свободы во имя общего блага» (С. 49). Есть еще и иной момент игнорирования меньшинства. Он связан с формой представительства. Даже в этой форме, восхваляемой И. Кантом, Гумбольдт находит изъян. Дело в том, что воля отдельного лица может быть транслирована только через выборных представителей. Эти последние не могут в силу естественных причин донести волю каждого и доносят лишь волю большинства, что, по мнению мыслителя, является ущербным. Так Гумбольдт остается последовательным сторонником онтологического и этического примата единичного.

5) *Механический характер.* Для демонстрации механического характера функционирования государства Гумбольдт выстраивает довольно длинную цепочку взаимосвязанных феноменов. Начинается все с «благих намерений». Изначально государство хочет всего только хорошего. Но добиться этого не удается: «чиновники делают, может быть, иногда и существенные улучшения, но такие, однако, при которых сущность дела не принимается во внимание» (С. 44). В результате получается вред, а не польза. Следовательно, возникают новые сложности, а значит, нужно вводить новые ограничения, а этим кто-то должен заниматься. Растет число чиновников и число ведомств. А свобода подданных тем временем уменьшается, добавляет Гумбольдт. Далее, при таком росте чиновников, ведомств, функций все необходимо тщательнейшим образом контролировать, а значит, пропускать через изрядное количество рук и инстанций. И в результате получается машина.

Последний пункт нуждается в некоей иллюстрации. Возьмем ее из книги К.А. Левинсона «Чиновники в городах Южной Германии XVI–XVII вв.: опыт исторической антропологии бюрократии». Описывается немецкий городок

Бамберг второй половины XVI в. Чиновников беспокоит сложившаяся в городке ситуация: перекупщики скупают у крестьян урожай и продают его на сторону, создавая тем самым дефицит продовольствия. Чиновники желают покончить с этой ситуацией (благая цель – налицо). Порядок их действий был следующий:

1) с 1574 по 1593 г. издаются правила торговли, запрещающие перекупку + штрафы за нарушение запретов + контроль за соблюдением штрафов; весь этот период штрафы растут, однако правила никто не соблюдает;

2) 1594 г. – издаются «мандаты», в которых описываются процедуры контроля; помимо этого, появляется еще одно новшество – доли от штрафов отдаются секретным агентам, осуществляющим контроль, и другим чиновникам, но и это не помогает;

3) 1610 г. – разрешение вывозить небольшое количество товара с уплатой пошлины по предварительному разрешению отдельных чиновников;

4) 1620 г. – возможность для чиновников выдавать разрешения на перекупку продовольствия;

5) 1649 г. – разрешение досматривать средства перевозки товаров; несмотря на ужесточение запретов, введение материальной заинтересованности в успешном контроле и поощрение доносов, ограничения не выполняются; одновременно регулирование распространяется на улицы, трактиры, скотные дворы, пристани, гостиницы, дома; множится число злоупотреблений.

Эта замечательная иллюстрация отражает все пункты цепочки В. фон Гумбольдта: благая цель вначале, вредные последствия от «улучшений», новые сложности и ограничения, рост чиновников и ведомств, усиление контроля, уменьшение свободы подданных и проч. Единственный феномен, теоретически не описанный у В. фон Гумбольдта, – это разложение самой бюрократии. Гумбольдт указывает лишь на ее механический характер.

Подведем краткие итоги по В. фон Гумбольдту. Итак, открывается совершенно новое пространство частной и общественной жизни, независимое и неконтролируемое государством. Этому пространству отдается безусловный онтологический и этический приоритет по сравнению с государством. Одновременно это пространство описывается в ориентации на первостепенную ценность разума и образования. Еще раз процитируем Гумбольдта: «Но возможность *высшей степени свободы* необходимо требует как *высшей степени образования* и меньшей потребности отдельных людей действовать однообразными, скучными массами, так и большей силы и более разнообразного умственного и нравственного богатства отдельных действующих личностей» (С. 4).

Попробуем теперь подвести предварительные итоги и хотя бы в общих чертах сопоставить позиции И. Канта и В. фон Гумбольдта:

1) «Свобода мысли» обладает безусловным приоритетом как для И. Канта, так и для В. фон Гумбольдта. Публичное пространство – это прежде всего интеллектуальное пространство, пространство общения разумных образованных людей. Намного сложнее и запутаннее ситуация со «свободой действия». По Канту, переход от «свободы мысли» к «свободе действия» – медленный, эволюционный и может происходить только как преобразование общества «сверху». И. Кант крайне негативно относится к революции. У Гумбольдта несколько иная позиция. Если сформулировать ее кратко, то она будет зву-

чать приблизительно так: революция прекрасна, но эволюция еще лучше. Правда, Гумбольдт формулирует это более мягко: «Если народ, который в полном сознании своих человеческих и гражданских прав разбивает свои оковы, представляет прекрасное и возвышающее душу зрелище, то еще более прекрасное и еще более возвышающее зрелище представляет правитель, сам разбивающий эти оковы, дарующий свободу и делающий это не вследствие личной доброты, но почитающий это исполнением своего первейшего и неукоснительного долга – из уважения к закону» (С. 5). Акцент здесь хотелось бы сделать лишь на формулировке «народ в полном сознании своих... прав», которая указывает на гумбольдтовскую предпосылку *рационального* действия даже применительно к революции.

2) По Канту, человек в качестве гражданина имеет безусловный долг по отношению к государству. Со стороны государства действует принуждение, человек пассивно ему подчиняется и отчасти выполняет функции «машин». По Канту, это нормально и естественно. По Гумбольдту, это ненормально и неестественно. Любое принуждение со стороны государства губительно не только для мыслей, но и для дел человека. Если у человека и есть долг, то это скорее долг перед самим собой. Быть свободным не просто в этическом, но и во вполне социальном смысле – безусловный приоритет для Гумбольдта.

3) «Общая воля» обладает онтологическим приоритетом, по Канту. Эта «общая воля» должна быть ориентиром и для мыслителей, и для королей. Помимо этого, она должна быть реализована через форму представительства. По Гумбольдту, важна лишь воля частного лица. Всегда важно одиночество, но без исключительности, уединение, но без изоляции, сохранение самобытности в любви и дружбе и во всех иных общественных союзах. Меньшинство всегда и во всех случаях лучше большинства.

4) Разумность и образованность – высшие ценности. И обе они либо совсем несовместимы с властью, либо плохо совместимы. Этот мотив общий у Канта и Гумбольдта. Оба считают, что способность суждения хиреет, деградирует и искажается в случае обладания властью. Здесь уместно вспомнить и антиплатоновский подход Канта к совместимости бытия королем и бытия философом, и иронические замечания Гумбольдта о неостребованности такого качества, как ум, у чиновников. Однако есть и некое различие. Если, по Канту, некие мудрые действия власти, если таковым суждено случиться, есть безусловное благо, то, по Гумбольдту, это не так. Даже в качестве мудрых действия государства однообразны, а значит, безусловно вредны.

5) «Общественное мнение», истолкованное как мнение рациональных и образованных людей, есть безусловное благо. И для Канта, и для Гумбольдта.

Литература

1. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1994.
2. Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. №2.
3. *Geschichtliche Grundbegriffe*. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. В. 4. Stuttgart, 2004.
4. Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности. Челябинск, 2009.